

комиться со страноведческими реалиями, историей и культурой страны изучаемого языка.

Итак, видео в качестве источника информации и одного из эффективных средств обучения обладает большими возможностями, так как обеспечивает динамическую наглядность и полисенсорный ввод информации, воздействует не только на логическую память, но и на эмоции, демонстрирует многообразие форм и разновидностей устного общения, позволяет наблюдать паралингвистические компоненты речи, а также экстралингвистические особенности общения на изучаемом языке.

Систематическое использование страноведческих видеокурсов на занятиях по русскому языку способствует развитию коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов на всех этапах обучения, интенсифицирует учебный процесс.

Применение видеокурсов и создание видеотек в преподавании русского языка как иностранного на разных этапах обучения в настоящее время является актуальным и перспективным и требует дальнейшей разработки.

Л и т е р а т у р а

1. *Аргустянец Е.С.* Обучение диалогической речи в ситуациях ролевого поведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
2. *Вохмина Л.М.* Хочешь говорить — говори. М., 1993.
3. *Изаренков Д.И.* Обучение диалогической речи. М., 1981.
4. *Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1988.
5. *Allan M.* Teaching English with Video. London, 1989.
6. *Ladousse G.P.* Role Play. Oxford University Press, 1994.
7. *Livingstone C.* Role Play in Language Learning. Moscow, 1988.
8. *Stemplesky S., Tomalin B.* Recipes for Using Video in Language Teaching. Cambridge, 1986.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

*Т.С. Николина,
канд. филол. наук, доцент*

В условиях, когда лингвистика переходит на новые теоретико-парадигмальные основания, важно определить, насколько достижения структурного периода сохраняют свое значение на фоне когнитивных установок языкознания. Представляется,

что некоторые существенные аспекты полевой теории — а полевая концепция словаря представляет собой одно из самых значительных достижений структурной лингвистики — не только не теряют теоретической значимости, но и оказываются в некоторых случаях адекватными когнитивным установкам.

Когнитивная способность человека предполагает категоризацию, расчленение объективной действительности на группы путем сравнения, установления сходства и различия объектов, их идентификацию.

Принимая за исходную базу в латинском языке поле глаголов, обозначающих сенсорно-перцептивную организацию восприятия, мы выделяем две линии в их понятийном аспекте (активную и пассивную). Под пассивным восприятием подразумевается ощущение, испытываемое тем или иным органом чувств, под активным — действие, направленное на исследование природы некоего объекта. Отсюда следует вывод о том, что в семантике данных лексем наблюдается тесная связь между субъектом, который воспринимает нечто, и объектом или другим субъектом, который может воздействовать или воздействует на субъект, его органы восприятия.

Особого рассмотрения требует вопрос о порядке следования глаголов в парадигме. В большинстве случаев расположение элементов поля дается произвольно или без строгих критериев, что определяется теоретической позицией Ф. Соссюра [2], для которого члены, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке. И если количество может быть иногда строго детерминировано, то неопределенность порядка всегда налицо. Однако и психологи, и лингвисты, опираясь на функциональный подход, дают структуру восприятия в строго обусловленном порядке (сферы восприятия следуют одна за другой в зависимости от важности их для человека).

Картина несколько видоизменяется, если принять во внимание исторический критерий. В этом случае при парадигматическом формировании системы лексем значительную роль играет инференция. Инференция означает включение смыслового признака в семантическую структуру лексемы на основе когнитивной пресуппозиции.

В ЛСП глаголов чувственного восприятия прослеживается закономерная последовательность элементов по вертикали. Исторические факты и такое явление, как синестезия, помогают установить, что «исходным пунктом» является осязание, а «вершиной» парадигмы — зрение. Каждое более «высокое»

чувство опирается на более «низкое», в свою очередь, каждое более «низкое» чувство инферируется в более «высокое».

Принцип инференции обнаруживает себя и в последовательности пассивной и активной линии (видеть — смотреть, слышать — слушать, осязать — ощупывать, ощущать на вкус — пробовать на вкус, обонять — нюхать). Инференция предполагает следующее соотношение: чтобы смотреть, необходимо видеть (не быть слепым).

Горизонтальная инференция опирается на познавательный механизм, ощущение предворяет когнитивную цепочку «ощущение — восприятие — понимание — знание».

Таким образом, применительно к латинскому языку, получаем следующие парадигмы глаголов чувственного восприятия:

пассивная линия

videre (видеть)

audire (слышать)

sapere (ощущать на вкус)

olfacere (обонять)

tangere (осязать)

активная линия

aspicere, spectare (смотреть)

auscultare (слушать)

gustare (пробовать на вкус)

odorari (нюхать)

temptare (ощупывать)

Несмотря на строгую расчлененность полевой организации, ей свойственно и явление отождествления, заключающееся в том, что отдельные лексемы способны брать на себя смысловую нагрузку других участков поля. Лексическое «нетождество», обусловленное многозначностью слова и разнообразием парадигматических и синтагматических отношений, а также социальным и культурно-историческим планом, становится несущественным, происходит нейтрализация. При этом основополагающими являются два критерия: внешний и внутренний, объективный и субъективный.

Отправным, основополагающим и связующим пунктом в цепи «мир — язык» является человеческий фактор. Исследовательский интерес переносится на проблематику отношения говорящего к средствам и способам языкового выражения — прагматику [1], [9]. В процессе языковой коммуникации от говорящего к слушающему не просто передаются готовые единицы, языковые структуры с готовым семантическим содержанием. Процесс передачи информации всегда сопровождается когнитивными моментами, лежащими в основе языкового сообщения.

Особый прагматический аспект изучаемого поля глаголов чувственного восприятия связан с коннотативными свойствами

составляющих его единиц. Ввиду трудности определения этого «эффекта смысла», коннотация часто выносилась за пределы лингвистики и квалифицировалась как речевые проявления [3] или рассматривалась лишь в качестве общесемиотического инструмента (Р. Барт, У. Эко) [4], [7], [8].

Представляется, что на вопрос о том, можно ли видеть в коннотационных фактах языка системность, следует ответить положительно, особенно принимая во внимание концепцию семантической деривации Д.Н. Шмелева.

Семантическая деривация обнаруживает себя в регулярной способности лексических единиц вступать в новые структурные отношения на базе первичной семантики и смысловых ассоциаций. Таким образом, в теоретическом плане коннотация выступает как фактор структурной организации лексикосемантической системы в ее исходных и производных значениях. Это позволяет говорить о дуализме понятия коннотации. С одной стороны, оно субъективно, так как связано со смысловыми ассоциациями, с другой стороны, коннотация выступает в виде объективной части семантической структуры слова, закрепленной в языковом сознании всего сообщества. В пользу объективности коннотации говорит тот факт, что она является качественной транспозицией и тем самым соприкасается с онтологическими параметрами материального мира.

Особая роль в коннотативно-прагматическом движении ЛСП восприятия принадлежит структурно-иерархическому фактору. Применительно к романским языкам в рамках изучаемого поля реализуются те потенции, которые были заложены в латинском прототипе. Хотя полевая организация в некоторых отношениях подвергается разрушению, но в целом его структурный каркас сохраняется. Язык в процессе развития переходит не просто во что-то иное, а в *свое* иное. С этой точки зрения можно говорить о синергетизме — саморазвитии, саморегулировании поля. При этом нельзя не видеть роли прагматического фактора, так как только через него действуют эти силы, благодаря ему система может выйти на качественно иной уровень.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о диахронической картине ЛСП восприятия во французском и итальянском языках свидетельствуют о том, что решающую роль в происходящих изменениях играет субъект не только познающий, но и воспринимающий.

На пассивной линии в зрительном аспекте поле демонстрирует аналогию с латинским прототипом, а на активной его час-

ти исторически исконные единицы не удерживаются. Французский и итальянский языки предпочитают обратиться к германским заимствованиям. На участке слухового восприятия замены происходят именно в пассивной части. Французский язык использует для этого *intendere* из иерархически возвышающейся сферы, в итальянском же языке реализуется компенсаторная функция гиперонима. Участок осязания сохраняет относительную близость с языком-эталоном, поскольку лексические единицы французского и итальянского языков восходят к латинским этимонам. Участок обоняния претерпел изменения и в пассивной, и в активной частях. Во французском языке здесь также проявилась компенсаторная функция гиперонима. Итальянский язык использует для этого лексему, которая в языке-эталоном находилась на активной линии. Аналогичные процессы, в основе которых лежали прагматические факторы, регистрируются и на других участках поля.

Для исследования семантической деривации полезным оказалось подвергнуть когнитивной проверке структурные описания словаря не только в пределах отдельных полей, но и на пространстве более широких лексических комплексов, когда во главу угла ставится принцип выводимости одной лексико-семантической сферы из другой. Этот принцип в качестве функционального основания закладывается в инференционную модель парадигматизации, которая помогает объяснить системность гиперо-гипонимических взаимоотношений полей в рамках общей организации языка.

Этот вид инференции отмечен особым вторичным характером. Поэтому коннотативную разновидность инференции, распространенную за пределы поля, целесообразно интерпретировать в качестве постференции — системно-регулярного перенесения семантических признаков лексем одного поля в смежные лексические сферы.

Постференция глаголов восприятия направлена преимущественно в эмоциональную, этическую, волевою, рациональную сферы, а также в сферу органических ощущений. Кроме того, следует отметить частные проявления, связанные с пространственными характеристиками.

С когнитивной точки зрения постференция подчиняется познавательному механизму, в котором чувственные восприятия выступают исходным пунктом, а знание — конечной его точкой. При этом коннотация является неотъемлемой частью каждой лексической единицы анализируемого поля.

Эмоциональная сфера

Вторичные элементы эмоционального порядка в большей степени присущи лексемам, относящимся к субъектному плану, особенно свойственны они парадигме глаголов активного восприятия.

Animos popularium tentare (Саллюстий Крисп) — «Волновать души соотечественников».

Sapis multum ad genium (Плавт) — «Ты очень любишь хорошую жизнь».

Te jam calere, puto (Цицерон) — «Мне кажется, что ты взволнован (вне себя)».

Волевая сфера

Videbis, ut res quam primum transigatur (Цицерон) — «Постарайся, чтобы дело было улажено как можно скорее».

Fabius finitimarum civitatum animos litteris nuntiisque temptabat (Плиний) — «Фабий склонял в свою сторону население соседних государств письмами и посланиями».

Infelix, qui non sponsae praecepta furentis audierit (Вергилий) — «Несчастен, кто не повиновался указаниям беснующейся невесты».

Этическая сфера

Tetigi senem triginta minis (Цицерон) — «Я выманил у старика тридцать мин».

Temptare iudicium pecunia (Цицерон) — «Пытаться подкупить своих судей».

Subtilis veterum iudex audis (Гораций) — «Ты слынешь тонким ценителем древностей».

Мыслительная сфера

Videas, quid agas (Цицерон) — «Думай о том, что делаешь».

Nemo solus satis sapit (Плавт) — «В одиночестве никто не может быть по-настоящему умен».

Gustare primis labris scientiam (Цицерон) — «Слегка коснуться науки».

Nomen alicujus olfacere (Петроний) — «Проведать о чем-либо имени».

Nihil olet ex Academia (Цицерон) — «(У Эпикура) нет и намека на учение Академии».

В семантике глаголов активной линии *aspicere*, *spectare* 'смотреть', *auscultare* 'слушать', *temptare* 'ощупывать', *gustare* 'пробовать на вкус', *odorari* 'нюхать' прослеживается момент активного целенаправленного применения чувствительных способностей. Все это, постферированное в мыслительную сферу, создает процессуальную картину активного применения мыслительных способностей, желания испытать, понять, осознать.

Напротив, в семантике глаголов пассивной линии присутствует константный момент наличия, обладания той или иной способностью: видеть, слышать, осязать, ощущать на вкус, обонять. Поэтому параллельная проекция данной линии на результат мыслительной обработки — знание — более естествен. Такая же параллель проводится от значения 'обладать зрительной способностью' к значению 'предвидеть', от значения 'ощущать вкус' — к значению 'быть разумным, рассудительным', 'быть правым'.

Присутствие смысловых аспектов понимания в структуре вторичных признаков глаголов пассивного ряда объясняется их изначальной инференцией в глаголы активной линии, другими словами, способностью глаголов, обозначающих пассивное восприятие, спорадически принимать на себя нагрузку глаголов, обозначающих активное восприятие.

Особенностью поля глаголов чувственного восприятия является не только постференция по горизонтали, но и соотношение со сферами, расположенными на более высоком иерархическом уровне. Само название поля — чувственного восприятия — указывает на такое поле приятия, принятия в общем плане, совмещающем в своей семантике и чувственное, и мыслительное «приятие», и «принятие» как физическое действие, которое отражается в основном элементе этого поля — глаголе *capere*, ср.: *Capere fustem* (Плиний) — «Взять палку» и *Capere sonitum* — «Воспринимать звук».

Глагол *percipere*, со своей стороны, еще сильнее сближается в постференционных значениях с изучаемым полем. От конкретного *Fructus percipere* (Цицерон) — «Собирать плоды» — к чувственному восприятию, которое является очень представительным в семантике этого глагола.

Percipite, quae dicam (Цицерон) — «Слушайте то, что я скажу».

Aliquid auribus, oculis, aliquo sensu percipere (Цицерон) — «Воспринимать что-либо ушами, глазами, другими органами чувств».

Percipere colorem (Плиний) — «Приобретать окраску».

Аналогичная картина (постференция по вертикали) прослеживается в отношении глаголов со значением 'тянуть', 'вытягивать': *Aures ad verba alicujus intendere* (Овидий) — «Настораживать уши при чьих-либо словах».

Oculus in vultum alicujus intendere (Юстиниан) — «Направлять взор на чье-либо лицо».

Особую роль в семантической организации поля играет гипоним *sentire*. Он не окружает данное ЛСП непроницаемой

оболочкой, а создает переходную ступень, связывающую поле с другими языковыми образованиями. Выстраивается логическая цепочка, в которой sentire 'чувствовать' — это иметь органы чувств или вообще иметь (habere) — а значит существовать (vivere) и быть (esse).

В семантической структуре глагола-гиперонима довольно планомерно отражаются и смысловые нюансы, и способ, каким организуется данное лексико-семантическое построение. Гипероним оказывается тем цементирующим стержнем, который удерживает на основе инференции в определенном равновесии семантический каркас поля.

На многомерность отношений гиперонима и подчиненных членов указывает то, что глагол sentire способен выражать в своей семантике производные значения, связанные с мыслительной, эмоциональной, этической сферами и сферой органических ощущений. Наряду с гипонимами он обнаруживает постференцию в смежные сферы: Non sentire quid sit satis (Цицерон) — «Не знать чувства меры».

Sentio, venias (Цицерон) — «Хочу, чтобы ты пришел».

Id etsi sentiebat Laco, tamen jusjurandum servabat multumque (Корнелий Непот) — «Хотя он уважал спартамца, однако он хорошо помнил свою клятву».

Male de illo sentire (Квинтиллиан) — «Плохо думать о нем».

По А. Греймасу, место, где появляется и начинает формироваться значение, отождествляется с восприятием [9]. И исследование должно проводиться внутри мира общего смысла или, иначе, чувственного мира. На базе исторической и культурной, т.е. социолектной (и в некоторой степени, идиолектной) практики образуются формы, которые затвердевают, трансформируются в стереотипы и интегрируются в язык. В результате фиксируются обобщаемые структуры, которые можно обозначить как «примитивные», по оппозиции с «универсалиями», функционирующими внутри культур и индивидуальных миров.

Латинские прототипы можно представить как своего рода «универсалии», на которые соответствующим образом налагались «примитивные» структуры, прежде чем результаты такого наложения закрепились в языке.

ЛСП восприятия оказывается в своеобразной общей семантической сетке, обусловленной, с одной стороны, некоторыми едиными интегральными признаками (психической деятельности) и, с другой стороны, дифференциальными признаками типа: чувственные восприятия, ментальная деятельность, эмо-

циональные состояния, этические, волевые и другие акты. С методологической точки зрения становится возможным интерпретировать эти отношения в терминах значимости и значения. Под значимостью понимается общая семантическая структура этого сложного полевого комплекса, дифференцирующаяся в качестве отдельных значений для взаимодействующих в рамках этого комплекса полей. Этим самым подход к лексико-семантическому полю как к «семантическому микромиру» получает более широкое понимание.

В результате взаимодействия лексических единиц внутри и вне поля глаголов восприятия наблюдается масштабная перестройка гиперо-гипонимических отношений, при которой лексемы перемещаются в границах данного поля или, благодаря вторичным, коннотативным значениям, устанавливаются связи с другими полями. При кажущейся хаотичности подобных сдвигов указанные изменения достаточно строго подчиняются инференционно-постинференционным принципам, вследствие чего общая картина диахронического развития поля восприятия во французском и итальянском языках приобретает характер мотивированной упорядоченности. Если прагматика, вторгаясь в систему, вызывает в ней временные и локальные возмущения, то, в конечном счете, преобразуя систему, она в нее вливается и подчиняется ей. Таким образом, с исторической точки зрения прагматика это не фактор разрушения, а развития системы.

Рассматривая язык как систему, представляющую собой отображенную в условной форме картину мира, принимая при этом в расчет трихотомию «мир — человек — язык», можно утверждать, что на изменения, происходящие в структуре языка, влияют три основных фактора: онтологический, связанный с внешним миром, синергетический, саморегулирующий фактор системы, и прагматический.

В эпистемологическом плане прагматический аспект лингвистики находится на низкой ступени теоретической разработанности. Представляется важным изучать прагматику не только в функционировании, но и в структуре, не только в синхронии, но и в диахронии, поскольку именно такой угол зрения позволяет, логически продолжая идею Ю.С. Степанова [6] и А. Вежбицкой [5], констатировать, что прагматика образует систему, так как она предшествует семантике, базируется на ней и приводит к качественным изменениям в системе.

Анализ лексико-семантического поля глаголов чувственного восприятия в диахроническом ключе показал, что для прагматического фактора, оказавшего существенное влияние

на историческое состояние этого поля, характерна тенденция к системности. Системность заключается в закономерности и регулярности процессов, которые, возникнув на прагматической основе, приводят к более или менее существенной перестройке поля.

Если сравнивать французский и итальянский языки с языком-эталоном — латинским, а также между собой, то следует подчеркнуть, что в языках-последователях было осуществлено внутреннее перераспределение ресурсов поля. Это перераспределение носило во многом индивидуальный характер, поскольку наряду с моментами идентичного лексического выражения того или иного аспекта восприятия проявились и дифференцирующие способности поля.

Особая роль в прагматико-семантической истории поля принадлежит гиперониму. Эта роль заключается в способности гиперонима организовывать специфическим образом свою семантику с тем, чтобы занять место гипонимов, выпавших в силу каких-либо причин из лексической системы поля. Так, гипероним *sentire* занял вакантные участки 'обонять' и 'пахнуть' во французском ЛСП восприятия, тогда как в латинском языке они были представлены глаголами *olfacere* и *olere*. Аналогичную роль этот гипероним выполняет и в итальянском языке. Но здесь его компенсаторная функция проявилась на участке 'слышать'.

Специализация такого рода с учетом прагматического фактора получает объяснение на основе инференционной модели. Инференция, структурно и когнитивно связывая лексику, расширяет перспективу рассмотрения поля, давая возможность проследить и объяснить линии потенциального движения внутри поля. То же самое можно сказать о постференции, которая представляется доминирующим моментом в структурной организации лексики на горизонтальном уровне и по иерархической вертикали. Примером тому служит лексема *percepire*, прошедшая путь от единицы, обозначающей конкретные физические действия, до гиперонима глаголов активного восприятия во французском языке (*percevoir*).

На этом фоне смысл семантических изменений может быть определен как затверждение инферентного/постферентного значения.

Обращение к понятиям инференции и постференции дает возможность вскрыть смысл отношений, которые раньше регистрировались в некоторых исследованиях как чисто структурные связи без их каузальной интерпретации. Имеется в виду

способность изучаемых глаголов указывать не только на сенсорно-перцептивную базу человека, но и на интеллектуальные, эмоциональные, этические, волевые акты и состояния.

Постференция со стороны иерархически возвышающейся сферы также является функциональной причиной семантических изменений.

По существу здесь имеет место коннотативный процесс, ведущий к своеобразному лексико-семантическому синкретизму. Синкретизм денотативного, сигнификативного и коннотативного признаков — еще один аргумент в пользу того, что прагматический фактор нельзя выводить за пределы системы.

Для поля глаголов чувственного восприятия характерна регулярная лексико-семантическая нейтрализация, осуществляющаяся путем снятия маркированности лексем на основе инференционного механизма. Главную роль в нейтрализации играет прагматический фактор, который вносит в структуру поля казалось бы дезорганизующие моменты и нарушает устоявшиеся эквиполентные и привативные отношения в поле, но в диахронической перспективе подобные нарушения оборачиваются качественно новой организацией лексики.

Так, лексико-семантическое поле восприятия в своем движении от латыни к современному состоянию в романских языках демонстрирует, выражаясь в синергетических терминах, рождение порядка из беспорядка.

Л и т е р а т у р а

1. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
2. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I. С. 264—390.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
5. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежицкой: Вступительная статья // Язык. Культура. Познание. М., 1997.
6. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М., 2001.
7. Eco U. Le signe. Bruxelles: Edition Labor, 1988.
8. Eco U. Les limites de l'interprétation. Paris, 1992.
9. Greimas A.J., Fontanille J. Sémiotique des passions: Des états de choses aux états d'ame. Paris, 1991.